

Вопросы науки, искусства, литературы и жизни.
№ 12.

Проф. графъ Л. Я. Камаровскій.

•••

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

МОСКВА—1896.

Издание книжного магазина Гросманъ и Кнебель
(И. Кнебель).

Дозволено цензурою. Москва, 5 сентября 1896 г.

Высочайше утв. Т-во Скорое. А. А. Левинсонъ. Москва, Петровка, д. № 22.

Главные фазисы исторіи и современнаго положенія восточнаго вопроса. Вопросъ о сохраненіи Турціи.—Различные планы ея замѣщенія.—Основные начала возможно справедливаго и мирнаго рѣшенія восточнаго вопроса въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.—Заключеніе.

Наибольшею угрозою для общаго мира Европы въ наши дни является вопросъ восточный ¹⁾. На него можно смотрѣть съ двоякой точки зрѣнія: съ широкой, всемірно-исторической и съ болѣе узкой, намъ современной. Въ первомъ отношеніи это—великая, обнимающая собою цѣлые вѣка, борьба между Европою и Азіею, христіанствомъ и исламомъ и, вѣроятная въ будущемъ, борьба между бѣлою и желтою расою. Смѣнялись люди и народы, но основныя цѣли и стремленія этой борьбы проходятъ красною нитью чрезъ всѣ вѣка. По милости Провидѣнія и ко благу человѣчества начала свободы торжествуетъ надъ деспотизмомъ, высшая культура

¹⁾ По исторіи восточнаго вопроса между прочимъ см. Potel. Aperçu historique des affaires d'Orient. 1889. (Краткій, но хорошій обзоръ событій до занятія Египта англичанами въ 1882 г. безъ какихъ бы то ни было вы-

подчиняетъ себѣ низшую, и на этомъ фактѣ утверждается наша вѣра въ болѣе прочный миръ и въ лучшее будущее для грядущихъ поколѣній.

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ мы имъ теперь и хотимъ заняться, — восточный вопросъ означаетъ вопросъ о положеніи и будущности Турціи и всѣхъ подвластныхъ ей племенъ, не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и въ Азійи и въ Африкѣ. Это, въ сущности, цѣлый рядъ самыхъ запутанныхъ и важныхъ вопросовъ, которые, затрогивая интересы всѣхъ народовъ Европы, открываютъ обширнѣйшую арену для ихъ интригъ и вражды другъ противъ друга и тѣмъ дѣлаютъ для нихъ почти невозможнымъ спокойное, нормальное развитіе. Но болѣе всего въ рѣшеніи восточнаго

ведовъ автора).—Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat. 2 vls. (Очеркъ реформъ, предпринятыхъ въ Турціи съ 1826 г. по наше время).—Штиглацъ. Исслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. Ч. I, гл. 4: начало политическаго равновѣсія и восточный вопросъ (стр. 197—312); ч. III, гл. I; національная борьба греческаго народа (стр. 13—47).—Татищевъ. Внѣшняя политика Императора Николая I. 1887. (Ч. II. Востокъ, стр. 135—639).—Обзоръ главныхъ трактатовъ Россіи съ Турціею даетъ кн. Урусовъ (le Prince Ouroussow. Résumé historique des principaux traités de paix. 1884). Множество статей по различнымъ частямъ восточнаго вопроса Ролень-Жекмена, Энгельгардта, Блюнчли, Мартенса и др. помещено въ бельгійской „Revue de droit international“.

вопроса заинтересована Россія. Онъ для нея является однимъ изъ главныхъ завѣтовъ всего ея прошлаго, онъ болѣе всего поддерживаетъ антагонизмъ и вражду къ ней со стороны Запада, и особенно Австріи и Англіи, и вслѣдствіе всего этого сильно препятствуетъ даже упроченію ея внутренняго мира и благосостоянія. Надъ этою темою стоитъ поразмыслить и особенно задаться вопросомъ: какъ можно ее рѣшить на практикѣ наиболее удобно, для всѣхъ справедливо и съ наименьшими потрясеніями для общаго мира? Сами событія, совершающіяся нынѣ въ Оттоманской имперіи, навязываютъ намъ эту задачу.

I.

Исторія борьбы христіанскихъ народовъ съ магометанскими представляетъ нѣсколько фазисовъ: два раза, въ теченіе двѣнадцати вѣковъ, исламъ опустошительной рѣкой покрывалъ земли христіанъ: при арабахъ и при туркахъ. Первые утвердили свою власть надъ самою родиною христіанства—надъ Палестиною,—покорили себѣ почти всѣ древнѣйшіе его центры и въ самой Европѣ доходили до Пуатье, гдѣ ихъ остановилъ геній Карла Мартелла. Вторые уже пять столѣтій господствуютъ надъ Балканскимъ полуостровомъ, смѣнивъ въ Азіи и въ сѣверной Африкѣ сво-

ихъ предшественниковъ арабовъ. Къ несчастію, разъединенные и слабые славяне, дряблая и нравственно низко павшая Византія не смогли противостоятъ натиску османовъ, но сдѣлались ихъ легкою добычею. Турки, столь долго страшные Европѣ своею военною мощію доходили въ XVII стол., этомъ предѣльномъ періодѣ развитія ихъ могущества, до Вѣны и до Чигирина.

Съ другой стороны, въ наступательномъ движеніи христіанъ противъ мусульманъ ясно обрисовываются три періода: 1) Эпоха крестовыхъ походовъ. Грандіозная попытка западно-европейскихъ народовъ освободить Гробъ Господень отъ ига невѣрныхъ не удалась послѣ многотрудныхъ, двухвѣковыхъ усилій болѣе всего потому, что крестоносцы слишкомъ были преданы земнымъ интересамъ, низкимъ страстямъ и непрерывной взаимной враждѣ. Они не удержали Іерусалима, и позднѣе турки утвердились даже въ Константинополѣ.

2) Въ періодъ могущества османовъ европейскія державы, начиная съ французскаго короля Франциска I, заискиваютъ дружбы и союзовъ съ ними. Но со времени Лепантскаго морского боя (1571) эти державы начинаютъ поодиночкѣ громить Турцію. Австрія, какъ извѣстно, еще ранѣе Россіи, въ концѣ XVII и XVIII стол., нанесла ей нѣсколько рѣшительныхъ ударовъ. Два раза, при Аннѣ Іоан-

новнѣ и Екатеринѣ II, она въ союзѣ съ Россіею вела, хотя неудачно, войну противъ Порты. Но съ эпохи кн. Меттерниха оппозиція поступательному движенію Россіи противъ Порты сдѣлалась лозунгомъ австрійской политики. Кто не знаетъ поведенія Австріи во время возстанія грековъ и крымской войны? Болѣе всѣхъ внѣшнему ослабленію Турціи содѣйствовала Россія, которая, на протяженіи двухъ послѣднихъ столѣтій, вела противъ нея не менѣе десяти войнъ. Россію поставили лицомъ къ лицу съ Турціею обстоятельства двоякаго характера: ея сношенія и близость съ Византіею, ея многовѣковая борьба на собственной землѣ съ татарами, — магометанами и позднѣйшими подручниками султана. Силою историческихъ событій Россія была выдвинута, какъ держава православная, преемница Византійской имперіи, на которую и устремили всѣ свои надежды поработенныя турками христіанскія племена. Но чѣмъ болѣе она начинаетъ проявлять это свое призваніе — освободительницы христіанъ на Востокъ, — тѣмъ рѣзче сказываются оппозиція и вражда противъ нея со стороны западныхъ державъ. Это третій, современный уже намъ фазисъ восточнаго вопроса, въ вышеуказанномъ тѣсномъ его смыслѣ.

3) На парижскомъ конгрессѣ великія державы торжественно приняли Турцію въ свой

составъ. Онѣ заявили о допущеніи ея отнынѣ «къ выгодамъ публичнаго права и обще-европейскаго концерта (союза)». Каждая изъ нихъ обязалась, съ своей стороны, «уважать независимость и территоріальную цѣлость Оттоманской имперіи, совокупно ручаясь въ томъ, что каждое посягательство на это будетъ считаться вопросомъ общаго интереса»¹⁾. Султанъ сообщилъ тогда державамъ извѣстный фирманъ, которымъ онъ хотѣлъ улучшить положеніе своихъ подданныхъ „независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія и національности“. Но тутъ же были высказаны двѣ величайшія несообразности, что названный фирманъ „изданъ лишь по собственному побужденію султана, уступившаго своимъ великодушнымъ чувствамъ къ христіанскому населенію его имперіи“ и что „это сообщеніе не даетъ ни въ какомъ случаѣ державамъ права вмѣшиваться, отдѣльно или совокупно, въ отношенія султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе его имперіи“²⁾. Печальный образецъ дипломатической софистики. Съ этого времени установилась коллективная опека державъ надъ Турціею и съ особенною яркостью сказалась вся ея неспособность къ правильной жизни въ „евро-

¹⁾ Ст. 7 парижск. трактата 1856 г.

²⁾ Ст. 9 того же трактата.

пейскомъ концертѣ“. Въ другомъ междуна-
родномъ актѣ, регулирующемъ современное
положеніе Турціи, въ берлинскомъ трактатѣ
1878 г. (ст. LXII), держава эта снова „выра-
жаетъ твердое намѣреніе соблюдать прин-
ципъ религіозной свободы въ самомъ широ-
комъ смыслѣ“. Далѣе идетъ слѣдующее важ-
ное мѣсто: „ни въ какой части Оттоманской
имперіи различіе вѣроисповѣданія не можетъ
давать повода къ исключенію кого-либо или
къ непризнанію за кѣмъ-либо правоспособ-
ности во всемъ томъ, что относится до поль-
зованія гражданскими и политическими пра-
вами, доступа къ публичнымъ должностямъ,
служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до
отправленія различныхъ свободныхъ занятій
и ремесль. Всѣ допускаются, безъ различія
вѣроисповѣданій, свидѣтельствовать въ судахъ.
Свобода и внѣшнія отправленія всякаго бого-
служенія обезпечиваются за всѣми, и никакія
стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерар-
хическомъ устройствѣ различныхъ религіоз-
ныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ
духовными главами. Дипломатическіе и кон-
сульскіе агенты державъ въ Турціи получа-
ютъ право официальнаго покровительства по
отношенію къ лицамъ и учрежденіямъ ду-
ховнымъ, благотворительнымъ и инымъ на свя-
тыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ».

Если бы практиковался этотъ принципъ

политической и религіозной свободы въ Турціи,—сошелъ бы со сцены восточный вопросъ, но, правда, сама Турція перестала бы существовать, какъ держава мусульманская.

II.

Не смотря на всѣ старанія и ухищренія дипломатіи, восточный вопросъ не перестаетъ вносить постоянно смуту и разладъ въ сношенія европейскихъ кабинетовъ. Особенно, съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія онъ вызывалъ почти въ каждое десятилѣтіе даже войны. Вспомнимъ греческое возстаніе, египетскій вопросъ, Крымскую войну, смуты въ Критѣ, освобожденіе болгаръ, истребленіе армянъ и т. д., не упоминая о другихъ не менѣе печальныхъ эпизодахъ его, повторяющихся чуть не хронически изъ года въ годъ. И современное положеніе этого злополучнаго вопроса таково, что онъ можетъ при малѣйшей чьей либо злой волѣ, вызвать самыя неожиданныя и гибельныя осложненія. Существующія о немъ опредѣленія договоровъ, какъ частнаго, такъ и обще-европейскаго характера, проявивъ на практикѣ свою большую или меньшую несостоятельность, требуютъ всѣ тщательнаго пересмотра и замѣны ихъ лучшими и болѣе соотвѣтствующими духу и потребностямъ нашего времени. Во многихъ

крупныхъ частяхъ своихъ эти опредѣленія подвергались нарушеніямъ, другія никогда не были выполнены и подобное хаотическое состояніе можетъ быть на руку развѣ лишь тѣмъ дипломатамъ, которые любятъ жить отъ „случая къ случаю“, но отъ этого рѣшительно страдаютъ самые дорогіе интересы народовъ.

III.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть различные проекты, которые дѣлались въ видахъ рѣшенія восточнаго вопроса, остановимся немного на важнѣйшемъ предварительномъ пунктѣ: возможно ли вообще дальнѣйшее сохраненіе Турціи?

На основаніи всего историческаго опыта отвѣтъ на это, кажется, ясенъ самъ собою. Существованіе Блистательной Порты, рассматриваемое по существу дѣла, есть зло и ложь. Турки, какъ отдѣльныя личности, представляются по отзывамъ многихъ изъ знающихъ и симпатичными, и великодушными, но въ смыслѣ коллективномъ, какъ государство, Турція—совершенная аномалія среди другихъ цивилизованныхъ народовъ. Особенно въ Европѣ она всегда составляла ничто иное, какъ враждебный лагерь азіатскихъ завоевателей, расположившихся среди балканскихъ

племень¹⁾. На пространствѣ пяти вѣковъ не только не произошло никакого слиянія или хотя бы сближенія между побѣдителями и побѣжденными въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, но, какъ справедливо говоритъ историкъ Фриманъ, въ то время, какъ другіе народы дѣлаются лучше и лучше, турки становятся все хуже. Когда главныя европейскія державы соединяются, чтобы потребовать отъ Турціи какихъ-нибудь реформъ, турецкое правительство безстыдно отказывается сдѣлать въ этомъ направленіи что бы то ни было. Если до послѣдней конференціи (это было написано 17 лѣтъ тому назадъ) можно было сказать что-нибудь въ пользу турокъ, то теперь за нихъ нельзя сказать ровно ничего. Противъ зла, которое невозможно измѣнить къ лучшему, существуетъ только одно средство—это искоренить его. Справедливость, разумъ, человеколюбіе требуютъ, чтобы владычеству турокъ въ Европѣ былъ положенъ конецъ и теперь наступило время для этого²⁾

1) Ст. Грина въ книгѣ Положеніе армягъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г. (Глава—Исламъ какъ одинъ изъ элементовъ вопроса; стр. 294—300)

2) The Turks in Europe, ib.—Не менѣ категорично объ этомъ высказывается проф. Мартенсъ: „опытъ вѣковъ подтверждаетъ, что исламъ и христіанство, турки и христіане, турецкій режимъ и свобода христіанскихъ общинъ никакъ не могутъ совмѣстно жить въ мирѣ. Исторія эдикта

Невозможность преобразования Турціи кроется въ самомъ коренномъ ея принципѣ, т.-е. въ исламѣ. Начала ислама опредѣляютъ и проникаютъ, какъ извѣстно, всѣ стороны ея религіознаго и политическаго строя. Они оказали нѣкоторое благотворное дѣйствіе на низшія грубыя племена Азіи и Африки, но съ самаго начала ученіе Магомета явилось частью заимствованіемъ, частию грубымъ искаженіемъ началъ не только христіанства, но даже іудейства. А между тѣмъ оно выступило съ притязаніемъ сдѣлаться всемірнымъ, религіею всего человѣчества. Для обращенія язычниковъ оно дозволяетъ самыя крайнія мѣры — лишеніе ихъ права на жизнь; „обладатели же писанія“, по этому ученію (іудеи, христіане, перс. огнепоклонники и сабейцы), могутъ быть терпимы, но если платятъ извѣстный налогъ¹⁾. Возводя нетерпимость и вражду въ принципъ отношеній ко всѣмъ иновѣрнымъ, исламъ, какъ политическая доктрина, обрекаетъ своихъ

Гюльхане и гатти-гумаюча 1856 г. устранили въ этомъ отношеніи всякое сомнѣніе“. (Martens: Die russische Politik in der orientalischen Frage, 1877, S 42 — 43). Но если такъ, то какъ же согласиться съ авторомъ, будто „продлевіе существованія Турціи, сдѣлавшись цѣлью русской политики (съ 30 годовъ нашего столѣтія), наиболее соответствуетъ настоящимъ жизненнымъ интересамъ Россіи“. (Іб. S. 26).

¹⁾ Ст. Исламъ въ Энци. Словарѣ Арсеньева и Петрушевскаго; т. XIII; стр. 384 сл.